

Трибуна молодого ученого

УДК 347.626.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.161

Некоторые примеры использования категории «добросовестность» в брачно-семейном законодательстве Российской империи

И.В. Базунов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Целью работы выступает демонстрация некоторых примеров применения категории «добросовестность» в брачно-семейном законодательстве Российской империи. В процессе исследования было установлено, что в брачно-семейном законодательстве добросовестность употреблялась как в объективном смысле, так и в субъективном, что позволяет говорить о системности использования данной категории в законотворческой деятельности. Также автор приходит к выводу, что применение категории «добросовестность» при регулировании семейных отношений в дореволюционный период способствовало совершенствованию механизмов защиты прав и интересов замужних женщин от злоупотребления властью со стороны мужа.

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление властью, семейные отношения, Российская империя, брачно-семейное законодательство.

Принцип добросовестности был закреплен в результате реформы гражданского законодательства 2013–2015 гг., что стало одной из важных вех развития отечественной цивилистики. В последние годы добросовестность в качестве правовой категории нашла свое отражение также в семейном законодательстве. Так, в п. 4 ст. 30 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) законодатель использует понятие «добросовестный супруг», а в п. 2 ст. 39 СК РФ рассматривает недобросовестное поведение как одно из оснований для уменьшения доли супруга в общем имуществе [2]. Стоит признать, что появление в семейном законодательстве категорий, связанных с принципом добросовестности, не стало для российского семейного права чем-то принципиально новым. В дореволюционный период отечественной истории законодатель обращался к добросовестности при регулировании брачно-семейных отношений. С целью демонстрации исторической роли данной категории в семейном праве, автором предлагается рассмотреть некоторые примеры ее использования в законотворческой деятельности императорской России.

Начать необходимо с характеристики добросовестности в качестве правовой категории. В доктрине добросовестность рассматривается с двух точек зрения: объективной и субъективной.

Объективная добросовестность представляет собой стандарт поведения, который служит ориентиром для участников гражданского оборота. Так, А.В. Дёмкина определяет добросовестность с объективной точки зрения как рекомендуемый участникам гражданского оборота эталон поведения [12, с. 11]. В.А. Коновалов придерживается такого же определения объективной добросовестности, рассматривая ее в качестве абстрактной и многоплановой модели, выполняющей роль ориентира для участников гражданских правоотношений [16, с. 7]. Следует признать, что содержание стандарта добросовестного поведения в гражданском праве является не до конца определенным. В.Г. Голубцов указывает на отсутствие в законодательстве четких критериев добросовестного поведения. В силу этого формирование конкретных требований к добросовестности лица происходит в том числе в процессе правоприменения [10, с. 497].

Автор настоящей статьи придерживается мнения, что злоупотребление правом следует рассматривать в качестве одного из случаев нарушения стандарта добросовестного поведения. Согласно устоявшейся позиции в доктрине гражданского права, злоупотребление правом связано с осуществлением субъективного права не по назначению, посредством чего причиняется вред другим лицам, а также государству и обществу [17, с. 9–10]. В п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) законодатель использует в отношении злоупотребления правом формулировку «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» [1]. Вместе с тем, согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ, участники гражданского оборота обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите своих прав. Системное толкование данных норм позволяет предположить, что злоупотребление правом противоречит стандарту добросовестного поведения. Таким образом, в рамках данного исследования мы будем относить злоупотребление правом к одному из видов недобросовестного поведения.

С субъективной точки зрения добросовестность представляет собой случай «извинительного незнания», когда добросовестность лица может быть поставлена под сомнение в зависимости от его информированности об определенных обстоятельствах [18, с. 125]. К примеру, согласно п. 1 ст. 302 ГК РФ, добросовестным считается такой приобретатель, который не знал и не должен был знать, что лицо, у которого он приобрел имущество, было не вправе его отчуждать. В законодательстве требования к субъективной добросовестности зачастую выражены посредством применения формул «не знал и не должен был знать» и «знал и мог знать». По замечанию А.С. Васильева и Д.С. Мурзина, вторая формула представляет собой повышенные требования к субъективной добросовестности, т. к. на лицо возлагается обязанность по выявлению обстоятельств, которые могут поставить его добросовестность под сомнение [6, с. 75].

Определив содержание добросовестности в субъективном и объективном смыслах, мы можем рассмотреть ряд случаев, когда законодательство Российской империи связывало определенные правовые последствия с фактом добросовестного или недобросовестного поведения участника брачно-семейных отношений.

Согласно ст. 103 ч. 1, Т. X Свода законов Российской империи (далее – СЗРИ), супруги обязаны жить вместе [3]. Склонение супругов к раздельному проживанию было строго запрещено. При этом, согласно ст. 108 ч. 1, Т. X СЗРИ, жена находилась в личной зависимости от мужа и занимала подчиненное положение в семье. Тем не менее существовал механизм, позволяющий жене жить отдельно от мужа в случае, если он ведет себя ненадлежащим образом. По замечанию А.И. Загоровского, суд мог признать раздельную жизнь супругов легальной, если муж «всем своим видом» демонстрирует нежелание жить совместно [15, с. 446]. По нашему мнению, данный случай можно рассматривать в качестве примера использования в брачно-семейном законодательстве добросовестности в объективном смысле. Посредством ст. 106 ч. 1. Т. X СЗРИ устанавливается обязанность мужа любить свою супругу, жить с ней в согласии, уважать и защищать ее, а также извинять недостатки. Именно такое поведение ожидалось от мужа в период брака, а значит его можно рассматривать в качестве стандарта. Если муж своими действиями демонстрирует нежелание жить вместе с супругой, то такое поведение нельзя назвать соответствующим стандарту, что позволяет суду отступить от общего правила ст. 103 ч. 1, Т. X СЗРИ с целью защиты прав и интересов жены.

Следует отметить, что правовое положение женщины в период брака являлось крайне уязвимым. Так, согласно ст. 107 ч. 1, Т. X СЗРИ, жена была обязана повиноваться распоряжениям мужа, что создавало простор для злоупотребления предоставленной мужу властью. Ю.М. Гончаров указывает на распространенность этого явления, т.к. законодательство данного периода не предусматривало возмещений за злоупотребление властью мужа над женой [11, с. 99]. Однако ненадлежащее поведение мужа не являлось нормой, что подтверждается приведенными в ст. 106 ч. 1. Т. X СЗРИ обязанностями мужа по отношению к жене. В силу этого, мы склонны рассматривать случаи злоупотребления властью мужа как одну из форм недобросовестного поведения в брачно-семейных отношениях.

Механизм легализации раздельной жизни супругов был усовершенствован посредством принятия закона от 12.03.1914 г. «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» [8, с. 16]. В соответствии с нормами данного закона, жена могла отказать мужу в совместном проживании, если условия их совместной жизни были невыносимы. В частности, под

невыносимыми условиями понималось: жестокое обращение одного из супругов над другим или детьми; нарушение супругом своих брачных обязанностей, в том числе нанесение тяжких оскорблений другому супругу; бесчестное и порочное поведение.

Здесь мы также можем обнаружить схожую с добросовестностью в объективном смысле конструкцию. По аналогии с предыдущим примером, суд мог легализовать раздельную жизнь супругов в случае, если поведение мужа явно не соответствовало общепринятому стандарту. Данные изменения получили неоднозначную оценку в научных кругах. По мнению С.В. Ворошиловой, положение женщины в период брака после принятия закона от 12.03.1914 г. заметно улучшилось [7, с. 38]. Вместе с тем А.Г. Гойхбарг отмечает значительную разницу между фактическим положением женщины в период брака и ее правовым статусом: «Между постановлениями законов о частноправном положении замужней женщины и действительной жизнью всегда существовала громадная разница. Необходимо поэтому различать в данном вопросе правовую и бытовую точки зрения» [9, с. 3542].

В статьях СЗРИ обнаруживаются также примеры употребления субъективной добросовестности. Согласно ст. 131.2, ч. 1, Т. X СЗРИ: «Если со стороны одного из родителей вступление в брак было недобросовестно, то другой родитель имеет право требовать оставления у него своих детей» [4]. Под недобросовестностью в данном случае понимается сокрытие от другого супруга обстоятельств, препятствующих законному вступлению в брак. Появление в брачно-семейном законодательстве добросовестности в субъективном смысле встретило положительный отклик среди современников. Так, А.И. Загорский отметил крайнюю прогрессивность данного шага: «наш закон пошел дальше большинства западно-европейских законодательств, придающих важное значение добросовестности или ее отсутствию при решении вопроса о законнорожденности или незаконнорожденности детей» [14, с. 344].

Как мы видим, в брачно-семейном законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX вв. обнаруживаются нормы, где категория «добросовестность» как в субъективном, так и в объективном смысле используется при регулировании брачно-семейных отношений. Анализ случаев употребления данной категории показал, что недобросовестное поведение супруга могло выражаться в ненадлежащем исполнении своих брачных обязанностей, злоупотреблении властью мужа над женой, а также сокрытии обстоятельств, препятствующих заключению брака.

Первая в отечественной истории попытка закрепления добросовестности в качестве принципа права был предпринята в рамках разработки проекта Гражданского уложения Российской империи (далее –

ГУ, проект) [5]. Данный проект стал ответом на социально-экономические изменения, произошедшие в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. По мнению Е.А. Ербахаева, «редакционная комиссия по составлению проекта Гражданского уложения пыталась внедрить в России лучшие институты западноевропейского права, в основе которых уже были заложены такие принципы светского общества, как равенство прав и свобод и правовая определенность» [13, с. 11]. Данные изменения коснулись и регулирования брачно-семейных отношений, что обуславливает необходимость анализа ряда статей проекта.

Положения ГУ в части легализации раздельной жизни супругов (ст. 431 ГУ), а также порядка определения места жительства детей от недействительного брака (ст. 431 ГУ) во многом повторяют нормы СЗРИ. Действительно серьезным изменениям подвергся механизм защиты прав замужних женщин от злоупотребления властью со стороны мужа. Согласно ст. 231 ГУ, муж являлся главой семьи и имел решающий голос в урегулировании любых семейных вопросов. В этом отношении Гражданское уложение не отстает от содержания ст. 108, ч. 1, Т. X СЗРИ. Однако ст. 231 ГУ содержит оговорку, запрещающую мужу злоупотреблять своей властью над супругой: «жена не обязана подчиняться распоряжениям мужа, насколько они оказываются злоупотреблением предоставленной мужу властью» [5].

По замечанию авторов проекта, улучшение положения замужних женщин являлось одним из важных направлений работы редакционной комиссии: «Законодательство не должно оставаться безучастным к явно несправедливым распоряжениям мужа, которые представляются злоупотреблением предоставленной ему властью. Напротив, за женою необходимо признать право не подчиняться таким распоряжениям мужа» [5, с. 14]. В комментариях к ст. 231 подчеркивается, что появление в российском законодательстве запрета на злоупотребление властью мужа должно было способствовать построению таких отношений между супругами, в основе которых будет лежать совместная работа ради общего блага, а не подчинение и произвол. Таким образом, введение запрета на недобросовестное поведение супруга в форме злоупотребления властью являлось одной из важных целей создания нового Гражданского уложения Российской империи.

В процессе исследования случаев употребления категорий «добросовестность» в семейном законодательстве Российской империи были сделаны следующие выводы:

1. В законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX вв. обнаруживаются примеры употребления категории «добросовестность» как в субъективном, так и в объективном смысле, что позволяет говорить о системности употребления данной категории в брачно-семейном законодательстве.

2. Под недобросовестным поведением супруга понималось ненадлежащее исполнение супругом своих брачных обязанностей, злоупотребление властью мужа, а также сокрытие обстоятельств, препятствующих заключению брака.

3. Появление в российском законодательстве добросовестности в объективном смысле способствовало улучшению механизмов защиты прав и интересов замужней женщины от злоупотребления властью со стороны мужа. В частности, суд мог признать законным раздельную жизнь супругов в случае, если поведение мужа носило явно недобросовестный характер.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 16.

3. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный [Текст]: издание 1857 года. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857.

4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 03.06.1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» // ПСЗРИ III. 1902. Т. XXII. ¹ 21566; Свод законов гражданских (Изд. 1900 г.) // СЗРИ. Т. X. Кн. 1. Раздел 2. Ст. 131.1, 131.2 (по прод. 1906 г.).

5. Гражданское уложение. Проект. Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Т. 1 [Текст] / под ред. И.М. Тютрюмова. СПб.: издание книжного магазина «Законоведение», 1910.

6. Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 66–77.

7. Ворошилова С.В. Правовое положение женщины в России в XIX – начало XX вв.: автореф дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 62 с.

8. Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 г. о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношении супругов между собой и к детям и другие законоположения. СПб.: издание юридического книжного склада «Право», 1914. 176 с.

9. Гойхбарг А.Г. Замужняя женщина, как неравноправная личность в современном гражданском праве // Право: еженедельная юридическая газета. Петроград: типография товарищества «Общественная польза», 1914. С. 3540–3552.

10. Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.

11. Гончаров Ю.М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2019. 148 с.

12. Дёмкина А.В. Преддоговорные правоотношения: новое в Гражданском кодексе Российской Федерации. М.: издание Государственной Думы, 2016. 96 с.

13. Ербахаев Е. А. История кодификации российского гражданского права (дореволюционный период) // Современная цивилистика. 2019. № 1. С. 5–13.

14. Загоровский А.И. Курс семейного права. 2-е изд., с изм. и доп. Одесса, 1909. 564 с.

15. Загоровский А.И. О разводе по русскому праву. Харьков: тип. М.Ф. Зильберберга, 1884. 495 с.

16. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14.

17. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.. 2009. 52 с.

18. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.

Об авторе:

БАЗУНОВ Игорь Валерьевич – аспирант третьего года обучения, кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Some examples of the category "good faith" use in the marriage and family legislation of the Russian empire

I.V. Bazunov

Tver State University, Tver

The aim of the work is to demonstrate some examples of the application of the category "good faith" in the marriage and family legislation of the Russian Empire. In the course of the study, it was established that in the marriage and family legislation, good faith was used both in the objective and subjective sense, which allows us to talk about the systematic use of this category in legislative activity. The author also comes to the conclusion that the introduction of the category "good faith" into the marriage and family legislation contributed to the improvement of mechanisms for protecting the rights and interests of married women from abuse of power by their husbands.

Keywords: *bona fides, abuse of power, family relations, Russian Empire, marriage and family legislation.*

About author:

BAZUNOV Igor – third-year postgraduate student, Department of Civil Law, Tver State University, e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Базунов И.В. Некоторые примеры использования категории «добросовестность» в брачно-семейном законодательстве Российской империи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 161–167.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.